

Алексей Бенедиктов

ЭКСТРАМАТОР

ЭМИССАРЫ ТЬМЫ

Писатель, проживающий в России, написал роман «Эксгуматор» — остросюжетный детектив на фантастической основе.

Главные герои этого романа — сержант-детектив Пол Кросс и суперагент Интерпола Макс Браун. В разное время в США и в западной Европе они расследуют загадочное исчезновение с места автокатастрофы двух трупов: пожилого мужчины и молодой женщины; последующую серию жестоких убийств и ведут международный розыск особо опасной рецидивистки, которую прозвали Черная Леди.

Роман отдан в издательство, но все оказывается непросто с его публикацией и описанными в нем событиями.

Алексей Бенедиктов

ЭКСГУМАТОР

2004 год. Москва

— Братан, билет на футбольный матч надо? — быкообразный молодой человек, с очень короткой стрижкой и такой же короткой шеей, нагнулся над открытым окном автомобиля, дыхнув импортным перегаром.

— Нет, — Андрей отрицательно покачал головой.

— Ну, тогда попробуй, купи в кассе...

Быкообразный вальяжно направился к банкомату, где уже кучковались несколько личностей до изумления похожих на него. Движения у «быков» были размеренные и спокойные.

«Хозяева жизни... Крепкие ребята... И не только крепкие... Без специального образования запросто и успешно производят финансовые операции с билетами, с валютой... А говорят за годы Советской власти весь генофонд под корень... Значит не весь... Есть еще молодые, здоровые силы в обществе...» — подумал Андрей и посмотрел на часы.

До встречи оставалось двадцать минут. Андрей закурил сигарету — третью за последние полчаса. Ожидание становилось тягостным.

Взгляд Андрея скользнул по витринам магазинов, по лицам прохожих, вдоль дороги и остановился на небольшом сквере, расположенном метрах в тридцати на другой стороне улицы.

«За пару дней вся листва разом пожелтела — гнилая будет осень... Гнилая...» — вспомнил приметку Андрей.

Он вообще не любил это время года — время свинцовых туч, порывисто-холодных ветров и грязи.

Андрей включил приемник. Из динамика в салон вырвалась отчаянно-грустная песня. Молоденькая и, судя по голосу, инфантильная певичка постанывала, подвывала, скулила и очень доверительно нашептывала о делах своих сердечных, девичьих. Что-то у нее в любви никак не ладилось, не получалось, но вникать в чужие проблемы Андрей не захотел. Он повернул ручку настройки и нашел «Радио Си».

Сальваторе Адамо исполнял шлягер начала семидесятых «Падает снег».

«Нынче такие песни уже не пишут», — мысленно отметил Андрей.

На ветровом стекле появились мелкие капли дождя.

«Дождь в дорогу... Добрый знак... Хотя дождик-то, наверняка, кислотный... Интересно, кислотный дождь в дорогу это тоже к удаче?... Волнуюсь... Суеверный стал... Все приметы в голову лезут... Момент такой... Ладно, не паникуй, парень, и жизнь сама подскажет правильное решение...» — Андрей снова посмотрел на часы.

До назначенной встречи оставалось двенадцать минут. Нервное напряжение достигало апогея.

«Пора... С Богом... Был бы туман, а там прорвемся...» — подумал Андрей, открыл дверцу и вылез из машины на улицу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*1994 год. США. Штат
Пенсильвания*

Ферма Майкла Хикса располагалась в трех километрах от шоссе. Хозяин фермы — крупный, шестидесятипятилетний мужчина, с мясистым носом, отвислыми красными щеками, лбом, изборожденным удивительно глубокими морщинами, и с задумчивым взглядом светло-голубых глаз, сидел в старомодном, глубоком кресле, широко расставив крепкие ноги,

напротив включенного телевизора. В правой руке Майкл Хикс держал открытую банку пива «Red Bull». Он ждал начала трансляции баскетбольного матча между командами «Детройт Пистонс» и «Чикаго Буллз». До начала игры оставалось несколько минут, когда на голубом экране появилась немолодая диктор, явно не скупающаяся на макияж. Женщина сразу же показалась Хиксу похожей на его бывшую жену Мэри.

«Куча штукатурки на лице и тот же взгляд с поволокой... Ну и ну...» — подумал фермер и основательно отхлебнул из банки. Любое, даже очень косвенное напоминание о супруге, будило в нем целую гамму негативных мыслей и эмоций.

Диктор, чуть-чуть кокетничая, сообщила сводку новостей: землетрясение на Таити; засуха в Центральной Африке; самолет авиакомпании «Тур-Эир-Лайнс», выполняющий рейс по маршруту Анкара-Кейптаун, совершил вынужденную посадку в аэропорту Бейрута, жертв и пострадавших нет; на юге Албании продолжаются военные действия; пожар на армейском складе боеприпасов в Чили...

«Куда идет человечество?... — Майкл Хикс грустно покачал головой. — Как будто все вокруг сошли с ума...»

А диктор уже рассказывала новость местного значения. Сегодня, в 22.10, на восемьдесят седьмом километре шоссе № 7 около дорожного полотна,

обнаружен перевернутый «мерседес» с двумя трупами в салоне — пожилого мужчины за рулем автомобиля и молодой женщины, сидевшей рядом. Машину первым заметил проезжавший мимо мотоциклист Фрэнк Ган. Ган утверждает, что когда он осматривал водителя и пассажирку, оба они были без каких-либо признаков жизни. Мотоциклист вызвал полицию. Спустя несколько минут на место происшествия прибыла полицейская бригада. Разбитый «мерседес» оставался там же, а тела мужчины и женщины бесследно исчезли. Фрэнк Ган в прошлом работал горноспасателем и проходил курсы первой медицинской помощи. Он продолжает категорично утверждать, что водитель и молодая женщина в «мерседесе» были мертвы. Полиция начала расследование.

«Авария на восемьдесят седьмом километре... Совсем рядом... — отметил Майкл Хикс. — Наверное, на повороте... наверняка, превысили скорость... Сейчас все спешат...»

Заканчивались новости сводкой погоды: в ближайшее время обещали резкое усиление ветра, дождь и грозу.

«И погода раньше была лучше, и трупы с места аварии не пропадали...»- размышлял шестидесятипятилетний фермер, флегматично потягивая пиво.

На экране замелькала реклама туалетной бумаги фирмы «Help». Малолетний ребенок, едва научившийся сидеть, нелепо размахивал рулоном туалетной бумаги, а вокруг него с обезоруживающими улыбками идиотов толпились многочисленные родственники и прислуга, почему-то одетые в средневековые костюмы. Актеры старались изо всех сил, и радость их не знала границ. Воистину, это был общий восторг и ликование.

Последовала реклама зубной пасты, полностью уничтожавшей кариес, кондиционеров, адаптированных к любому резко континентальному климату, и чудо-макарон, употребление в пищу которых не ведет к пагубной прибавке веса.

Фермер поставил пустую банку на пол. На склоне лет Майкл Хикс пришел к выводу, что вся человеческая жизнь — это бесконечная череда больших, средних, маленьких и совсем крошечных ожиданий. В детстве человек ждет рождественские каникулы, позже — первый поцелуй и свидание с невестой, еще попозже — свадьбу с любимой, повышение по службе, рождение детей, потом — развод со стервой, выход на пенсию, приход костлявой с косой...

В настоящий момент фермер ждал начала трансляции баскетбольного матча между командами «Детройт Пистонс» и «Чикаго Буллз».

Майкл Хикс тяжело поднялся с кресла и отправился на кухню достать из холодильника очередную пару банок пива. Когда он спустился на первый этаж, раздался звонок в дверь.

Майкл Хикс давно уже не ожидал гостей в своем доме: с женой он развелся много лет назад, а замужняя дочь Ирэн жила в Англии и нередко забывала даже позвонить отцу по телефону в день его рождения... Вряд ли могли пожаловать в столь поздний час и супруги Джонсоны, единственные поблизости с ним соседи, чья ферма была в пяти километрах отсюда. Неспеша Хикс прошел по коридору и открыл дверь. В тусклом лунном свете на пороге стоял высокий, поджарый, пожилой мужчина с седой шевелюрой и девушка лет четырнадцати-семнадцати с длинными светлыми волосами. Их одежда была испачкана кровью, рубашка на мужчине порвана у воротника. На лице девушки было несколько ссадин и царапин.

— Извините, мистер... — мужчина говорил чуть охрипшим голосом.

— Мистер Хикс, Майкл Хикс. У вас проблемы? — спросил фермер.

— Меня зовут Сэм Ньюман, а это — моя племянница, Синди... Мы ехали на своем автомобиле из Питтсбурга в Филадельфию. Я разрешил Синди повести машину, и здесь недалеко,

на повороте шоссе, она не справилась с управлением, автомобиль — перевернулся. Мы чудом остались живы...

«В новостях сказали, что на восемьдесят седьмом километре перевернулся «мерседес»... за рулем сидел пожилой мужчина, а в салоне — молодая женщина... На какой машине ехали эти двое, и кто из них в момент аварии был за рулем?...» — подумал Майкл Хикс, но вопросы задавать не стал.

— Не могли бы мы у вас привести себя в порядок и воспользоваться вашим телефоном? — спросила девушка. У нее был приятный, мягкий голос. Она смотрела на хозяина фермы. Это был странный взгляд. Пожалуй, такой взгляд можно было назвать застывшим, отрешенным, «стеклянным», но только не живым. Девушка смотрела, как бы сквозь, не замечая Майкла Хикса, в то же время, не сводя с него глаз.

— Прошу, — хозяин фермы отошел в сторону, приглашая неожиданных гостей в дом. — Вызвать медицинскую помощь?

— Нет, нет, — мужчина отрицательно покачал головой.

«Как-то слишком уж поспешно он отказался...» — отметил Хикс.

— У меня есть аптечка, бинт...

— Спасибо, но мы отделались пустяковыми

царапинами, — мужчина натянуто улыбнулся.

Девушка поправила волосы.

— Ванная находится на втором этаже... по этой лестнице, — сказал Майкл Хикс.

Мужчина кивнул и сразу же стал подниматься вверх, следом за ним пошла и девушка.

«Похоже, они собираются принимать душ одновременно...» — подумал фермер, направляясь на кухню.

В молодости Майкл Хикс три года проработал агентом по торговле недвижимостью. Уже тогда он научился хорошо разбираться в людях. Так вот, эта парочка ему сразу не понравилась. И дело было даже не в том, что по трассе круглосуточно ездят машины, случаются аварии, и гораздо проще и легче остановить попутку, чем в темноте, пешком, тащиться целых три километра куда-то в сторону от дороги. Просто они ему не понравились, а интуиция, обычно, его не подводила.

«Ладно... В конце концов, люди оказались в беде...» — решил хозяин фермы. Надо приготовить им чего-нибудь выпить. Девушка обойдется Кока-Колой, а мужчине он предложит пиво. Более крепких напитков Майкл Хикс у себя в доме не держал.

Не прошло и тридцати минут, как дядя и племянница спустились вниз и расположились за столом в гостиной, словно забыв о своем недавнем

желании позвонить по телефону.

Мужчина с явным наслаждением потягивал пиво, девушка — Кока-Колу.

Хозяин фермы закурил сигарету «Даллас», грустно осознавая, что баскетбольный матч ему сегодня не посмотреть.

Девушка обвела взглядом комнату и спросила:

— Вы здесь живете один?

— Да, — ответил Майкл Хикс.

— Я всю жизнь мечтал иметь такой же загородный дом и работать на свежем воздухе подальше от города, но, увы... — мужчина, назвавшийся Сэмом Ньюманом, словно осекся.

Возникла странная пауза.

«Кто они?... Дядя и племянница?... Стареющий повеса и молоденькая любовница?... Зачем они шли сюда?... Не торопятся позвонить по телефону... Совсем не торопятся... Может им это не нужно?... А может им вообще некуда звонить?... Какое отношение они имеют к вечернему телевизионному сообщению о перевернувшемся «мерседесе»?... Посмотрим...» — Майкл Хикс глубоко затянулся сигаретой. Он решил ждать. Просто ждать.

Девушка встала и медленно подошла к старомодному комоду в углу комнаты, на котором стояла фотография Ирэн Хикс восьмилетней давности. Девушка долго и внимательно

разглядывала фото, и в какой-то момент тень улыбки мелькнула на ее лице. Или это только показалось фермеру?

— Ваша дочь, мистер Хикс? — спросила гостья.

— Да.

— Она выглядит, как настоящая кинозвезда, — девушка перевела взгляд на Майкла Хикса. Тот же отрешенный стеклянный взгляд и маска полного безразличия на лице. — Как ее зовут?

— Ирэн.

— И она никогда не говорила вам, что мечтает стать актрисой?

— Нет, об этом она никогда не говорила.

— Она замужем?

— Да, — нехотя ответил фермер, подумав, что вопросов, пожалуй, многовато.

— У нее красивый муж?

Майкл Хикс неопределенно пожал плечами. Ему совершенно не хотелось беседовать на семейные темы, тем более, с посторонними людьми, тем более, с юной девицей, которая годилась ему во внучки.

— Такая красивая женщина наверняка должна быть счастливой в браке, — девушка вернулась за стол и взяла банку колы.

Мужчина продолжал пить пиво. Он не

принимал участия в разговоре и, когда речь шла о дочери фермера, даже не повернул головы, чтобы посмотреть на фотографию.

Снова возникла пауза.

По подоконнику забарабанили редкие, тяжелые капли дождя. Где-то, еще вдалеке, сверкнула молния и, как обычно, с опозданием, донесся раскат грома.

Мужчина и девушка почти одновременно посмотрели в окно. Теперь Майкл Хикс мог поклясться, что они оба улыбнулись.

— Сегодня ночью обещали сильный дождь и грозу, — фермер затушил сигарету.

— Гроза? Мы не могли бы остаться у вас до утра? — почему-то мужчина произнес это почти шепотом.

— Конечно... — ответил Майкл Хикс. — Вы хотели позвонить.

— Пожалуй, уже поздно. Не будем тревожить наших близких. Мы позвоним им утром, — мужчина снова говорил обычным голосом, но в его глазах появилась явная насмешка.

«Что ж... — подумал Майкл Хикс. — Тогда позвоню я...» Он медленно встал из-за стола.

— Пойду закрою в доме окна.

Когда Майкл Хикс выходил в коридор, мужчина и девушка оставались на своих местах. Фермер плотно прикрыл за собой дверь. В конце

концов, он у себя дома, а эти двое ему окончательно и теперь уже активно не нравились. Майкл Хикс был не робкого десятка, но чувство тревоги постепенно охватило его. Он снял со стены радиотелефон и набрал нужный номер. Майкл звонил своему соседу, в прошлом шерифу, а теперь тоже фермеру Фрэду Джонсону. Они редко виделись, но сразу после первой встречи, четыре года назад, между ними возникла взаимная и глубокая симпатия. Хикс и Джонсон были ровесники, и к тому же оба любили баскетбол, и оба болели за «Чикаго Буллз».

— Фрэд... Извини за беспокойство, старина... Да, это я, Майкл. Фрэд, ты не мог бы сейчас подъехать ко мне... Да, прямо сейчас... Пока ничего не случилось, но я хотел бы увидеть тебя в ближайшее время... О'кей, жду... И извинись от моего имени перед Элен...

«Вдвоем с Фрэдом мы разберемся, что это за странная парочка», — подумал Майкл Хикс и повесил трубку.

В это время в гостиной мужчина, назвавшийся Сэмом Ньюманом, подошел к серванту, бесшумно отодвинул стекло и вынул хрустальную вазу.

В спальнной комнате на втором этаже, где работал цветной телевизор, спортивный

комментатор Гарри Брэм сопровождал великолепный бросок центрального «Детройт Пистолз» восторженным криком: «Фантастика!.. Невозможно поверить, но мяч в корзине и сейчас мы увидим этот бросок в замедленном повторе!»

В пяти километрах от фермы Майкла Хикса, на ферме, принадлежащей супругам Джонсонам, бывший шериф Фрэд Джонсон выдвинул верхний ящик своего стола и достал Кольт Питон 38 калибра.

«Если Майкл звонит ночью, прервав просмотр баскетбольного матча, в котором участвует команда «Чикаго Буллз», значит, случилось что-то серьезное...», — сразу же понял Фрэд.

Супруга Элен уже спала, и Фрэд Джонсон решил ее не будить. Он быстро вернется, а если необходимо будет задержаться у Майкла, то рано утром позвонит ей... Впрочем, лучше все-таки оставить записку...

Фрэд откинул в сторону барабан револьвера. Шесть патронов 38 калибра занимали свои места, находясь в полной боевой готовности. Джонсон вернул барабан в первоначальное положение.

* * *

Когда через несколько минут бывший шериф

Фрэд Джонсон подъехал на своем джипе к ферме Майкла Хикса, дождь лил, как из ведра. Фары джипа осветили пустую площадку с ухоженной клумбой перед домом, фермерский «Форд» пикап и небольшой трактор, стоящие под высоким навесом. Фрэд отключил фары, по профессиональной привычке подождал пару минут, пока его глаза полностью привыкнут к темноте, отметив, что с возрастом этот промежуток явно удлинился. Наконец, Фрэд Джонсон открыл дверцу и вылез под дождь. Высокий, шестидесятипятилетний мужчина, он чувствовал себя на сорок, а выглядел максимум на пятьдесят. На нем были темно-синие джинсы, клетчатая рубашка с короткими рукавами, кожаные сапоги и широкополая шляпа. Фонарик Джонсон держал в левой руке, а револьвер он заткнул за пояс.

Метров пять отделяло шерифа от входной двери, которая была приоткрыта, но когда Фрэд Джонсон вошел в дом, он уже основательно промок.

— Майкл! — позвал Джонсон.

Ответа не последовало. Со второго этажа доносился взволнованный голос спортивного комментатора. Шериф снял и повесил мокрую шляпу на вешалку. В прихожей он не заметил ничего особенного.

«Если Майкл дома, то, скорее всего, смотрит

баскетбольный матч...», — решил Фрэд Джонсон и направился по лестнице вверх. Не часто, но два-три раза в год шериф с супругой бывали в гостях у Майкла Хикса, и Фрэд знал, что единственный телевизор в доме находится в спальне на втором этаже.

Джонсон шел твердым шагом уверенного в себе человека.

В спальняй комнате, где работал телевизор, никого не было. Рядом с креслом на ковре лежала пара пустых банок из-под пива «Red Bull» — единственное пиво, которое, употреблял хозяин дома. Кровать была не расправлена; рядом на тумбочке стоял букет цветов в вазе, а через открытое окно на подоконник вовсю лил дождь; вода стекала на пол, где уже образовалась большая лужа. Джонсон плотно закрыл окно и покинул спальню.

Здесь же, на втором этаже, бывший шериф осмотрел туалет и ванную, обратив внимание на сильно запотевшее зеркало, висевшее на стене в ванной. После этого Фрэд Джонсон спустился вниз на первый этаж, зашел на кухню, включил свет. Все как обычно: чистая посуда, чистый стол и плита.

Из кухни шериф прошел по коридору в гостиную. В центре комнаты, с зияющей кровавой раной в области затылка, лицом вниз, неестественно откинув в сторону правую руку,

лежал хозяин дома — Майкл Хикс. Рядом валялась окровавленная хрустальная ваза.

— Так... — тихо произнес шериф.

Он опустился рядом с телом, повернул голову своего друга на правую сторону, приподнял у него верхнее веко, пощупал пульс на сонной артерии. Майкл Хикс был мертв.

Фрэд Джексон медленно встал и подошел к столу. Напротив трех деревянных стульев, на небольшом прямоугольном столе, покрытом светло-зеленой скатертью с каким-то невероятно замысловатым рисунком, стояли три банки — две из-под пива «Red Bull», одна из-под Кока-Колы, в массивной стеклянной пепельнице лежал окурок сигареты «Даллас».

Фрэд Джонсон очень осторожно — двумя пальцами поднял за крышку банку из-под Кока-Колы. Она была примерно наполовину пуста. Шериф приложил ладонь ко дну банки.

«Еще холодная... Достали из холодильника совсем недавно... И звонил Майкл несколько минут назад... Были гости... Двое?... Возможно, мужчина и женщина... Он их впустил сам... Сидели за столом... Майкл курил только «Даллас»... Чем-то гости его насторожили, и он звонит мне... Стоп... Они были здесь совсем недавно... По дороге сюда я не встретил ни одного автомобиля... Успели проскочить до сворота на шоссе раньше?... Очень

мало вероятно... Судя по всему, они просто не успели бы доехать до сворота на шоссе раньше меня... Это единственная дорога... Значит, они здесь... Все еще здесь... Где-то рядом... Но где?... И где их машина?...» Фрэд Джонсон аккуратно поставил банку на стол и вытащил револьвер.

Бывший шериф Фрэд Джонсон кожей почувствовал опасность, но это было не то чувство, которое могло его остановить.

Он вышел из гостиной в коридор, подошел к входной двери, ударом ноги распахнул ее, и, включив фонарик, снова шагнул под дождь. Шериф пересек двор и оказался под навесом склада. Луч фонарика последовательно и быстро осветил все углы, затем скользнул по старенькому «Форду», небольшому трактору, аккуратно уложенному сельскохозяйственному инструменту, прицепу, железной бочке...

«На запланированное убийство не похоже... Совсем не похоже... Они сидели за одним столом... Вместе... Может быть, убийцы — его знакомые?... Кто?... Бывшая жена?... Судя по рассказам Майкла о ней, на такой шаг она вряд ли способна... Если не знакомые, то кто?... Убийство с целью ограбления?... Майкл никогда не был особенно обеспеченным человеком... Спокойно... Они здесь... Где?... Где их машина?...»

Дождь чуть приглушил звук выстрела,

который прервал размышления бывшего шерифа. Раненный в правое плечо Фрэд Джонсон выронил свой Кольт и оказался отброшенным на землю.

Шериф лежал в грязи, вне навеса, под струями холодного дождя, чувствуя, как мокрая рубашка на нем все больше и больше пропитывалась удивительно теплой и липкой кровью. А в раздробленном пулей плече боль жгла и расширялась, подобно пламени огня, охватывая теперь уже всю правую руку, шею и лицо, поглощая все сознание шерифа. Только какая-то крошечная часть его сознания, подобно погружающемуся в пучину островку, пока еще находилась вне боли. Она-то и определила, что, судя по звуку, стреляли сзади и с правой стороны от дома, что марка оружия, из которого произведен выстрел — винтовка системы «Гаранд»: именно такая винтовка была у убитого хозяина фермы, что нужно срочно переместиться в зону глубокой тени от навеса, а перед этим нужно обязательно подобрать револьвер.

Револьвер где-то здесь, рядом, справа.

Чтобы найти оружие Фрэд Джонсон вынужден был перевернуться через спину, при этом он едва не потерял сознание, зато теперь бывший шериф мог искать левой рукой. Пот градом заливал лицо Джонсона, правая рука висела плетью, а боль становилась все нестерпимее.

Револьвер. Он должен найти его.

Левой рукой шериф искал вокруг себя в грязи на земле. Где Кольт? Твердый предмет под пальцами. Револьвер? Затуманенный разум не сразу определил, что это фонарик, каким-то образом оказавшийся отключенным. Джонсон не без труда отбросил в сторону совершенно бесполезную в данной ситуации вещь.

Револьвер. Он должен успеть его найти. У него не так много времени. Убийцы тоже здесь. И, вряд ли, в магазине винтовки у них был только один патрон.

Все длиннее и длиннее становились мгновения. Время замедляло свой ход, но еще не остановилось совсем, когда бывший шериф нашел Кольт. Фрэд Джонсон с трудом поднял голову. Теперь нужно переместиться назад — под спасительную тень навеса. Надо это сделать любой ценой... Потом он попытается приостановить кровотечение, но вначале нужно уйти в тень...

Место, где лежал Джонсон, слабо, но все-таки освещалось из окон дома, в которых горел свет.

Сверкнула молния, и метрах в двадцати, справа от себя, шериф не столько увидел, сколько угадал два темных силуэта.

Времени и сил на раздумье не было и, сжимая револьвер левой рукой, преодолевая боль, несмотря на капли дождя и пота, заливавшие глаза, бывший

шериф Фрэд Джонсон открыл ответный огонь на поражение. Только один раз он успел нажать на курок своего Кольта, и почти сразу, как бы возражая ему, отрывисто и категорично прогремел выстрел из винтовки. Вторая пуля прошла навывлет через голову шерифа, теперь уже навсегда остановив для него время.

Дождливой летней ночью на ферме Майкла Хикса Фрэд Джонсон вступил в неравную схватку с убийцами своего друга и проиграл.

А рядом с домом, не обращая никакого внимания на дождь, стояли пожилой мужчина и девушка, держащая в руках винтовку системы «Гаранд».

— Отличный выстрел, — заметил мужчина.

— Я старалась, — бесстрастно ответила девушка.

— Ты просто на глазах делаешь успехи.

— Хорошо, что у хозяина оказалось в доме оружие.

— Да, этот второй, судя по всему, был не из слабых.

— Теперь у нас даже две машины.

— Надо уходить, племянница, — мужчина интонацией выделил слово «племянница».

— Надо, дядя, — согласилась девушка.

— Револьвер заберем, а винтовку лучше оставить.

Девушка едва заметно кивнула и бросила оружие на землю.

Из незакрытого окна спальни на втором этаже, где работал телевизор, донесся восторженный крик спортивного комментатора:

— Мяч у центрального «Детройт Пистолз» Лукаса... Великолепный дриблинг... Изящный сольный проход... Высокий прыжок... Лукас зависает в воздухе... Бросок... и за две секунды до окончания игры Джордж Лукас увеличивает счет еще на два очка!.. Да, сегодня команда «Чикаго Буллз» и ее болельщики потерпели сокрушительное поражение...

* * *

Звонок будильника разбудил Элен Джонсон ровно в семь утра. Она сразу же поднялась с постели, накинула шелковый халат. Миссис Джонсон была высокая, симпатичная женщина, с милovidными чертами лица и неплохо сохранившейся фигурой.

На столе Элен обнаружила записку, оставленную мужем:

*Срочно уехал к Майклу Хиксу.
Вернусь утром.*

Фрэд.

Миссис Джонсон умылась, тщательно расчесала волосы и оценивающе посмотрела на себя в зеркало.

— Привет, девочка... — вслух произнесла Элен и слегка улыбнулась своему отражению. — И что же мы имеем к пятидесяти четырем годам?... Да... шевелюра не слишком густая... Не слишком гладкая кожа... А что это у нас под глазами?! — Элен почти вплотную приблизила лицо к зеркалу. — Ах, да... это грубо называют «мешками»... Но, у нас еще только мешочки, совсем маленькие мешочки. — Она снова отодвинулась назад. — Впрочем, кое-что из бывшего оружия все-таки осталось! — При слове «оружие» Элен вспомнила своего мужа-шерифа.

Былое оружие, бывший шериф...

Она все еще глядела в зеркало. — Ладно, не грусти, — совсем тихо сказала Элен Джонсон. — Ты же большая девочка... Ты не будешь плакать... Большая девочка знает, что плакать бесполезно и даже вредно!

«Большая девочка» в зеркале резко вскинула голову и вызывающе посмотрела прямо в глаза Элен.

Минуту спустя жена бывшего шерифа легко сбежала вниз по лестнице на первый этаж, прошла

на кухню, привычным движением руки включила радиоприемник. Передавали утренние новости. Миссис Джонсон выпила свою традиционную чашку черного кофе без сахара и, нарушая все запреты врачей, — она страдала хроническим бронхитом — с наслаждением выкурила сигарету. Принимая жизнь такой, как она есть, Элен относилась ко всему просто, не усложняя, не комплексуя, и все же где-то в глубине души умудряясь оставаться романтиком.

Сводка новостей закончилась, передали прогноз погоды. Потом пошел блок рекламы, и Элен принялась готовить завтрак для мужа. Фред был совсем не привередлив в еде, да, пожалуй, во всем остальном тоже. «Именно таким и должен быть настоящий мужчина», — считала Элен Джонсон, однако, к своим кулинарным обязанностям относилась не формально, а скорее, излишне ответственно.

За два года пребывания супругов здесь, на ферме муж впервые срочно уехал ночью из дому, но Элен это ничуть не насторожило и не удивило. Много лет назад, когда они только поженились, а Майкл тогда был помощником шерифа, ему очень часто приходилось отлучаться в любое время суток, по будням и выходным дням.

Лучи солнца пробивались между туч через оконное стекло и бликами играли на посуде.

Тридцать шесть лет Элен и Фрэд жили душа в душу, как бы опровергая все категоричные утверждения интеллектуальных циников и яйцеголовых специалистов в области секса и семейной жизни об ужасах и кошмарах, подстерегающих супружеские пары при длительном совместном проживании.

Миссис Джонсон вспомнила, как они познакомились.

Деятнадцатилетняя девчонка, она ехала на машине своих родителей, и какой-то пьяный юнец на джипе врезался в нее прямо на перекрестке, после чего позорно пытался скрыться с места происшествия. Тогда его задержал молодой помощник шерифа Фрэд Джонсон...

Позже Фрэд часто повторял: «Мы с тобой познакомились классически. В нашей встрече было все: случайность и неизбежность, нарушение закона и задержание преступника. О таком знакомстве многие пары могут только мечтать».

Так и оказались вместе два, в общем-то, разных человека. Он — реалист, лишенный сантиментов, она, пожалуй, романтик. Романтик с железными нервами, умеющая хорошо контролировать себя, за исключением утренней сигареты натошак. И все-таки между ними было немало схожего, именно поэтому они — городские жители — на старости лет купили и перебрались на

эту ферму. Ферму, которая приносит одни убытки, но уезжать отсюда они не собираются. Им некуда возвращаться, да и незачем.

«Зачем жить, если нет детей...» — подумала Элен.

Это была большая, не заживающая с годами рана, и женщина решила ее не беречь. По крайней мере, сейчас.

Завтрак почти готов. Фрэду остается только разогреть его.

Элен переоделась и без четверти восемь вышла из дому. Завела свой старый, но безотказный «мустанг» 1986 года выпуска и отправилась на ближайшую бензозаправочную станцию. Ее машина быстро летела по дороге среди поля, замедлила ход перед своротом на шоссе № 7, обогнала пару автомобилей на автостраде и резко остановилась у заправки.

В небольшом кафе при станции трое шоферов завтракали и шумно обсуждали результаты баскетбольного матча. Их грузовики стояли на обочине под деревьями.

Элен купила блок сигарет «Winston» и пару пачек стирального порошка «Lord».

Пока служащий заправлял бак ее автомобиля бензином и протирал ветровое стекло, Элен Джонсон успела выкурить сигарету и перекинуться несколькими фразами с официанткой по имени

Алиса.

Через полчаса Элен уже была дома.

Фрэд все еще не вернулся.

Миссис Джонсон занялась уборкой. В начале двенадцатого она позвонила на ферму Майклу Хиксу. Телефон единственного соседа не отвечал. Элен поднялась в комнату мужа и выдвинула верхний ящик стола, где супруг хранил оружие. Револьвера на месте не было.

Долго не раздумывая, женщина решила ехать к Майклу Хиксу.

Миссис Джонсон пересекла на автомобиле всегда открытые ворота фермы, принадлежащей мистеру Хиксу, и сразу же увидела своего мужа.

Фрэд Джонсон лежал на земле лицом вниз в небольшой луже с водой, окрашенной в бурый цвет.

Убедившись, что никакой помощи она оказать уже не сможет, Элен Джонсон прошла в дом, где в гостиной обнаружила труп хозяина фермы.

Женщина позвонила в полицию.

Только повесив трубку, миссис Джонсон закрыла глаза, приложила ладонь правой руки ко лбу и подумала, что сейчас она сойдет с ума.

* * *

Центральное

*полицейское управление
Филадельфии.*

Дело по убийству Майкла Хикса и Фрэда Джонсона расследовал сержант-детектив Пол Кросс.

Пол Кросс был сорокалетним мужчиной, начинающим полнеть, лысеть и тускнеть одновременно. Он носил очень короткую стрижку и небольшие усики. «Для полицейского у тебя слишком грустные глаза и слишком правильные черты лица. Лучше бы ты стал адвокатом», — очень давно заметила его тетя Молли, узнав о намерениях Пола пойти работать в полицию. Это не остановило упрямого юношу, однако, позже Пол Кросс часто вспоминал эту фразу и пришел к выводу, что, по большому счету, старушка была права. Он честно и неплохо выполнял свои обязанности полицейского, но в какой-то момент, в глубине души, осознал, что тогда, в молодости, следовало все-таки послушаться родную тетю.

Сержант-детектив Кросс без пиджака сидел в кресле, децентрировав и ослабив галстук, забросив ноги на стол, дымя очередной сигаретой, и пил кофе из пластмассового стаканчика.

Напротив Пола в более скромной позе, на стуле располагался двадцатичетырехлетний стажер Макс Браун и тоже пил кофе. Стажер был хорошо

сложенным молодым человеком с густой светлой шевелюрой и целым морем веснушек на лице. Экипировку Макса Брауна составляли довольно потертые темные джинсы, разноцветная футболка и белые кроссовки.

— Макс, ты не знаешь, куда делся кофе? — детектив Кросс брезгливо поморщился.

— В каком смысле?

— В самом прямом... — Пол Кросс тяжело вздохнул. — В самом прямом.

— Не понял вопроса, сэр.

— Ну, разве это кофе?

— По-моему, обычный кофе.

— Настоящая отравка, яд... Травят нас полицейских, травят... В народе полицейских не любят, зарплата у полицейских небольшая, личная жизнь из-за зарплаты и характера работы у многих полицейских не складывается, а теперь еще подсовывают отбросы вместо кофе!

— Насчет небольшой зарплаты и неудач в личной жизни, я думаю, это можно сказать не только о полицейских, — заметил Макс Браун.

Детектив Пол Кросс пристально и удивленно посмотрел на стажера:

— Может, быть ты и прав. Старый я становлюсь, сварливый...

— Сэр, вы в отличной форме. Я до сих пор удивляюсь, как вы так сразу обнаружили пулю в

стене дома.

— Элементарно. После того, как определили место и направление откуда стреляли в бывшего шерифа, следовало осмотреть ближайший сектор на предмет возможного ведения им ответного огня. Это как дважды два — четыре. Об этом, по-моему, даже в учебниках написано.

В кабинет вошла миловидная девушка в полицейской форме и протянула Кроссу несколько листов.

— Спасибо, Сюзи, — детектив опустил ноги на пол и быстро просмотрел текст. — Так... биографические справки... Заключение экспертизы... так... Послушай, Макс, в нашей работе все, как в жизни — есть хорошие новости, есть наоборот. Хорошая новость — отпечатки пальцев, обнаруженные на винтовке и на хрустальной вазе, идентичны отпечаткам, найденным на банке с пивом и на банке с колой. Плохая новость — эти отпечатки в дактилоскопической базе данных отсутствуют.

— Один преступник убил фермера вазой, а другой застрелил бывшего шерифа из винтовки?

— Предположим, — Пол Кросс затушил сигарету. — Есть соображения: кто и зачем это сделал?

— Ферма недалеко от автострады. Может, случившееся — дело рук малолеток? Гнали по

трассе на мотоциклах, вот и заскочили на огонек.

— И совершили двойное убийство?

— Возможно, в дороге их прихватила ломка.

— Прихватила ломка? — Пол Кросс крайне удивился предположению стажера. — А что, разве Майкл Хикс выращивал на своей ферме коноплю или приторговывал кокаином? Макс, ты, явно, горячишься.

— Но винтовка, из которой был убит бывший шериф, принадлежала Майклу Хиксу.

— И что из этого следует?

— Значит, преступники были без своего оружия. Например, просто агрессивные подростки, гоняющие в поисках приключений.

— Вполне возможно, но не более того, — Пол Кросс кивнул. — Возможно, даже бывший шериф Джонсон совершенно случайно, именно вчера поздно вечером, вдруг решил навестить своего соседа, например, вместе посмотреть баскетбольный матч. Но все-таки, Макс, лучше начинать расследование, не перебирая какие-либо маловероятные стечения обстоятельств, а с мотива преступления.

— Мотив — ограбление. Пропали две машины, наличные деньги, бумажник...

— Старый «Форд», далеко не новенький джип, судя по всему, не так много денег, а в доме Хикса остались некоторые достаточно ценные

вещи, — Пол Кросс посмотрел на часы. — Через десять минут надо быть с докладом у шефа, а у меня нет никакой серьезной версии...

— Сэр, может, наоборот, это была очень хорошо продуманная месть бывшему шерифу. Преступники знали о дружбе Майкла Хикса и Фрэда Джонсона и прокрутили многоходовую комбинацию. Чтобы запутать полицию, они убили вначале Хикса и только потом Джонсона на ферме его друга, специально не использовали своего оружия, угнали два допотопных автомобиля и прихватили наличку.

— Мотив — месть, конечно, исключить полностью нельзя, тем более, что в биографической справке на бывшего шерифа... — Пол Кросс взял со стола один из листов бумаги, которые занесла девушка, — есть эпизод... Вот... одиннадцать лет назад, задержанный Джонсоном рецидивист, некто Дастин Смитт, по кличке «Красавчик», прямо в зале суда публично пообещал расправиться с шерифом.

— Но отпечатки пальцев Красавчика не обнаружены, — заметил Макс Браун.

— Все правильно, просто есть такая дополнительная информация, — Пол Кросс прикурил сигарету. — Не думаю, что это работа Красавчика. Тем более, преступников было как минимум трое.

— Трое?

— Конечно, давай считать. Угнано две машины, значит, их вели два человека, ну и в машине, на которой убийцы приехали, тоже кто-то сидел за рулем — не пешком же они пришли на ферму.

— Получается, минимум трое, — согласился стажер.

— Макс, скажи мне честно — тебе сегодня понравилось?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, наш сегодняшний выезд. Грязь, кровь, трупы.

— Мне было интересно.

— Интересно?...

— Да, сэр.

— Только интересно?

— Еще — мне хотелось участвовать в раскрытии этого преступления.

— Слушай, Макс, ты, наверное, в детстве очень увлекался детективными фильмами?

— Вообще-то, в детстве я увлекался не только детективными фильмами.

— То есть, ты твердо решил стать полицейским?

— Да, — без тени обиды и сомнения ответил Макс Браун.

«Я был точно таким же... Надо поддержать парня... Еще не хватало, чтобы после первой

стажировки у него остался тяжелый груз сомнений и неуверенности... Надо поддержать парня», — подумал Пол Кросс и после короткой паузы заключил:

— Хороший выбор... Настоящее мужское дело.

— Спасибо, сэр.

— Да не за что... Может быть, сегодня вечером придется съездить к одному нашему осведомителю. Очень колоритная личность. Посмотришь, с какой агентурой приходится работать, если, конечно, у тебя нет планов на вечер.

— Вечером я хотел встретиться со своей девушкой, скоро у нас помолвка, но если нужно... — извиняющимся тоном начал Макс Браун.

— Нет, нет, — Пол Кросс решительно замахал рукой. — Съездим к агенту завтра, или я загляну к нему один.

Сумбурные мысли роем понеслись в голове детектива:

«Такие дела, Пол... Такие дела... Кто-то встречается, влюбляется... У людей помолвка, свадьба... А у тебя все наоборот... Скандал, бракоразводный процесс... Тебе только лишь пятый десяток, а ты уже весь покрылся плесенью... Деградируешь и смердишь... Причем делаешь это одновременно и интенсивно...»

Три недели назад от Пола Кросса ушла его жена Дора. Размолвки между ними случались и раньше, но на этот раз она ушла *насовсем*, предварительно наговорив ему кучу гадостей. Дора влюбилась в какого-то художника-модельера, чуть ли не ведущего специалиста по нижнему женскому белью. Однако самое ужасное заключалось в том, что когда женщина выносила из квартиры свои чемоданы, у Пола совершенно сдали нервы. В одних трусах он выскочил на балкон и среди бела дня, в присутствии соседей и прохожих, обозвал Дору — «рыжей стервой». Раньше подобных истерических срывов у Пола не бывало, даже в ситуациях покруче.

Последствие содеянного детективом не заставило себя долго ждать. Не прошло и трех недель, как Пол Кросс получил повестку явиться в суд, который должен состояться через шесть дней.

Пол знал, что Дора наверняка обставит процесс, как следует. Шум обеспечен. На судебном заседании будет присутствовать группа сверхактивных феминисток, возможно, даже с плакатами в трясущихся от злости руках, и журналисты сверхжелтой прессы, давно поджидавшие благоприятный момент, чтобы написать разгромную статью о полиции с броским заголовком «Полицейский — хам».

Всего три недели, как ушла Дора, а Пол вовсю

катился по наклонной плоскости. Дома буквально на глазах росла куча грязного белья, а на кухне — завал немытой посуды.

Детектив Кросс с интересом посмотрел на сидящего напротив стажера Макса Брауна. Молодой человек был полон энергии, наполеоновских планов и, по-видимому, допускал те же принципиальные ошибки, которые в свое время допустил Пол Кросс — собирался стать полицейским, планировал жениться.

«Ладно, может ему и повезет... Должны же быть исключения из правил...» — философски подумал сержант-детектив Пол Кросс, поправил галстук и сказал:

— Собираемся Макс, через пять минут мы должны быть у шефа. Послушаем, что подскажет старик — он тусуется в этой жизни уже много лет.

* * *

Начальник отдела по убийствам комиссар Джеймс Бартон сидел в своем кабинете, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза.

Старик снова был погружен в прошлое, и чем старше он становился, тем чаще и чаще мысленно возвращался к событиям тех далеких дней.

Фактически это были не только воспоминания, но и единственное нераскрытое им

дело. Дело, непосредственным участником которого, когда то очень давно, был он сам, тогда еще двадцатитрехлетний командир взвода во Вьетнаме.

Часть необходимой информации оказалась безвозвратно утеряна в глубинах памяти. В сознании шли отрывочные и порой совершенно разрозненные фрагменты воспоминаний, как осколки в сломавшемся калейдоскопе, так что получить правильную комбинацию — ответ на главный и единственный вопрос, комиссару пока не удавалось.

Вьетнам. 1969 год.

От базы взвод был переброшен на вертолете северо-западнее реки Хонгха, в квадрат 8В.

Машина шла на бреющем полете, на сверхмалой высоте, едва не касаясь верхушек некоторых деревьев. Джеймс Бартон навсегда запомнил то ощущение: как будто они медленно плыли по воздуху над сплошным морем зелени. Рев мотора, тревога на душе. Ни один человек из взвода, включая командира, не имел практического опыта ведения боевых действий в условиях джунглей. До вылета с ними неделю работал страшно крутой инструктор — специалист по джунглям, с окончательно испорченными нервами,

постоянно орущий на новобранцев, с тиком на лице и совершенно безумным взглядом персонажа из фильма ужасов. После его занятий все твердо усвоили, что если есть хотя бы малейшая возможность, то от джунглей надо держаться как можно дальше...

Высадив подразделение во главе с двадцатичетырехлетним командиром на небольшой отмели, образованной горным ручьем, вертолет сделал в воздухе прощальный полукруг; пилот помахал рукой и взял курс обратно на базу.

Теперь взвод должен был подняться вдоль ручья вверх до тропы, углубиться в джунгли и через двадцать миль выйти на горную дорогу; преодолев еще пару миль, войти и укрепиться в небольшой деревне, где по данным разведгруппы из местных жителей оставался только один тяжело больной, умирающий старик.

Второй час пути вдоль ручья вверх. Возглавляемый командиром взвод добрался до тропы и после короткого привала вошел в джунгли. Джеймс Бартон был поражен многоголосьем тропического леса. Со всех сторон постоянно доносились крики птиц, треск веток, шелест листвы.

Третий час пути. Периодически тропа становилась едва различимой, а участки джунглей труднопроходимыми...

Четвертый час пути. Взвод вышел на большую поляну, утопающую в море цветов и высоких трав, источающих какой-то совершенно особенный, сладковато-пряный запах. Дикая влажность и яркое солнце, палящее беспощадно. Полная выкладка. Пот градом. Люди серьезно устали и нуждались в отдыхе. Джеймс Бартон посмотрел на часы. Он решил сделать получасовой привал через двадцать минут...

Взвод был на середине поляны, когда по нему спереди, с двух точек, практически одновременно ударили два пулемета. Это можно было назвать сущим адом, спустившимся на землю среди бела дня. Взвод попал в засаду.

Люди, оказавшиеся под перекрестным огнем, падали, кто-то пытался открыть ответный огонь, но все оставшиеся в живых хотели только одного — добраться до спасительной стены леса...

Под шквалом пуль преодолеть десяток метров до ближайших деревьев и кустов удалось троим. Ими оказались: легко раненный в левое бедро двадцатидвухлетний индеец из Канзаса — рядовой Ирвинг Риус, тяжело раненный в правую руку двадцатипятилетний негр из Аризоны — рядовой Стивен Кахэл и без единой царапины на теле, двадцатичетырехлетний командир взвода из штата Вирджиния — сержант Джеймс Бартон.

Уходя от возможного преследования, без

рации, карты, большей части боеприпасов, не говоря уже о сухом пайке, трое углубились в джунгли. Вечером того же дня, потерявший много крови, с трудом передвигающийся рядовой, Стивен Кахэл провалился в яму-ловушку, поранив себя бамбуковыми кольями, которые местные *умельцы* вымазывали экскрементами. Ночью его начал бить сильный озноб, а чуть позже присоединились судороги... Он умер на рассвете, несколько раз повторив в бреду женское имя Марта...

На четвертые сутки блужданий Джеймса Бартона и Ирвинга Риуса, рядовой Риус оказался слишком близко от небольшой светлокожей «ленты» — вьетнамцы называли эту змею «Два шага», считая, что после ее укуса человек просто не успевает сделать третий шаг... Позже Джеймс Бартон знал точно — это утверждение полная ерунда. После укуса, обработав рану, как учил инструктор, Ирвинг Риус двигался еще, как минимум, минут сорок, и прожил часов пять...

Командир взвода остался один. Шестые сутки в джунглях. Только молодой, хорошо тренированный организм мог выдержать такие запредельные перегрузки, но силы уже были на исходе. Последнюю обойму Джеймс Бартон расстрелял, наткнувшись на троих «людей джунглей» — бледнокожих представителей диких, местных племен в набедренных повязках, как

обезьяны проводящих основное время на деревьях, питающихся плодами растений, насекомыми и яйцами птиц. Оставлять их в живых Бартон не рискнул, потому что хорошо запомнил слова инструктора — «людей джунглей» нередко используют вьетконговцы для сбора разведанных.

Когда заканчивались седьмые сутки, и сил больше не оставалось, Джеймс Бартон услышал шум реки. Еле передвигаясь, заросший густой щетиной, смертельно исхудавший, с одним патроном в стволе и «сухим» магазином в винтовке М-16, он вышел к деревянному навесному мосту. Единственный оставшийся в живых из всего взвода, не получивший даже легкого, касательного ранения — командир этого взвода.

Мост охраняла группа из восьми морских пехотинцев.

Потом было возвращение в часть, рапорт о случившемся, косые взгляды и откровенные насмешки. Беседа с дознавателем из спецотдела. Сутки ожидания. Еще одна беседа с дознавателем. Двое суток ожидания. Дело закрыто. Дальнейшая служба. На этом можно было поставить точку и все забыть, если бы не одно обстоятельство.

Уже получив задание, за двое суток до того момента, как вертолет забрал взвод с базы, Джеймс Бартон провел ночь с девятнадцатилетней

девушкой-китайкой в борделе на окраине Сайгона. Он тогда много выпил. Слишком много. А она задавала вопросы. Было очень много вопросов. Или так показалось ему позже, когда он потерял взвод, а сам остался жив? Ее звали Лулу. Еще со времен французского присутствия во Вьетнаме, в увеселительных заведениях девочкам обычно давали европейские имена. Лулу рассказывала Бартону о себе. Это была не обычная жалостливая история жизни проститутки, которые они придумывают сами и доверительно выкладывают каждому клиенту. В истории Лулу много места занимала ее младшая сестра. Джеймс Бартон помнил, как тогда что-то удивило его в этом рассказе. Что это было? Какая-то деталь. Слишком много он выпил тогда, чтоб можно было вспомнить потом. А вот она не пьянела. Хрупкая, крошка, для своего веса, Лулу, пожалуй, пила слишком хорошо. И еще она неплохо говорила по-английски. Для девочки-китайки из вьетнамского борделя даже очень неплохо. Кто же она была на самом деле? Профессионалка из увеселительного заведения или «длинная веревка» — так во Вьетнаме называли специальных агентов из ближайших, сопредельных государств: Китая, Камбоджи, Лаоса. Агент вьетконговцев или северовьетнамцев? Чья была засада в джунглях? Проболтался ли он о предстоящей переборке взвода, или Лулу не имела